

Либерально-демократические ценности / Journal of liberal democratic values <https://liberal-journal.ru>

2023, №4, Том 7 / 2023, No 4, Vol 7 <https://liberal-journal.ru/issue-4-2023.html>

URL статьи: <https://liberal-journal.ru/PDF/07KLLD423.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Звонарёва, Л. У. Русско-французский диалог о судьбах культуры в XX веке: поэт Ф. Супо и художник А. Алексеев / Л. У. Звонарёва, О. В. Звонарёв // Либерально-демократические ценности. — 2023 № 4. — URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/07KLLD423.pdf>.

For citation:

Zvonareva L.U., Zvonarev O.V. Russian-French Dialogue on the Fate of Culture in the 20th Century: Poet F. Soupault and Artist A. Alekseev. *Journal of liberal democratic values*. 2023; 4(7): 07KLLD423. Available at: <https://liberal-journal.ru/PDF/07KLLD423.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 008

Звонарёва Лола Уткировна

АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия
Доктор исторических наук, профессор
Email: lzvonareva@mail.ru

Звонарёв Олег Викторович

АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия
Кандидат исторических наук, доцент
Email: donfeliz@yandex.ru

Русско-французский диалог о судьбах культуры в XX веке: поэт Ф. Супо и художник А. Алексеев

Аннотация. В статье анализируется взгляд на роль и судьбу культуры XX в. одного из основателей французского сюрреализма, поэта Ф. Супо и то влияние, которое оказал на него русский художник-эмигрант первой волны А.А. Алексеев. Начало их творческого сотрудничества – совместная работой над изданием Э. По «Беседы Моноса и Уны» (с предисловием Ф. Супо) и «Падения дома Ашеро́в», опубликованных в Париже в 1929 г. с иллюстрациями А. Алексеева. Авторы утверждают: в дальнейшем Ф. Супо, работая с Алексеевым над изданиями таких шедевров русской литературы, как «Слово о полку Игореве», «Анна Каренина», «Доктор Живаго», рассматривал великие творения русской литературы, а также графические и анимационные работы русского друга как ценнейшие достижения мировой культуры, без которых европейская культура не способна развиваться на достойном уровне.

Ключевые слова: Александр Алексеев; Филипп Супо; сюрреализм; иллюстративные сюиты; русская классика

Судьбоносная встреча произошла в 1924 г., скорее всего, в парижском издательстве «Кра», куда русский художник пришёл в поисках заказа на исполнение иллюстраций и где работал редактором поэт-сюрреалист, переводчик, прозаик Филипп Супо (1897, Шавиль, Верхняя Сена – 1990, Париж), вскоре ставший восторженным ценителем таланта русского друга Александра Алексеева (1901, Казань – 1982, Париж), с 1921 г. живущего в Париже.

Филипп Супо в Париже 20-х годов прошлого века – личность достаточно известная: первая его книга стихов вышла в 1917 г. Вместе с Андре Бретоном Супо – один из основателей дадаизма и сюрреализма. В предисловии к первому номеру журнала «Сюрреалистическая

революция» читаем: «Сюрреализм открывает двери грёзы всем тем, для кого ночь слишком скупа. Сюрреализм – это перекрёсток чарующих сновидений... Но он ещё и разрушитель целей... Революция... Революция... Реализм – это подрезать деревья, сюрреализм – это подрезать жизнь» [9, р. 1–2].

В манифесте А. Бретона сюрреализм объявлен как чисто психический автоматизм, имеющий целью выразить – или устно, или письменно, или любым другим способом – реальное функционирование мысли. Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений. Им стало «автоматическое письмо», изобретённое и провозглашённое Бретоном и Супо.

Во время Первой мировой войны Бретон служил в военном госпитале санитаром в отделении для психически больных и через Аполлинера, который изобрёл слово «сюрреализм», познакомился с Супо, отвергавшим всё «буржуазное». Они сочинят в 1920 г. книгу «Магнитные поля», на страницах которой, как писал исследователь и переводчик французской поэзии М.Д. Яснов, «авторы попытались материализовать стержневую идею сюрреализма – автоматическое письмо», то есть «сцепление свободных ассоциаций и главенство подсознательного, прежде всего сновидений, и порождающая всё это фрейдистская концепция психики» [7, с. 123–132]. Они утверждали: автоматическое письмо – не поток сознания, оно сверхосмысленное, гиперосмысленное, а «Магнитные поля» – «свидетельство того, что бесконтрольное «свободное» творчество порождает образы, а не логические положения, как доказательство превосходства тёмных подсознательных чувствований над разумом... Мы ничего не знаем, кроме мёртвых звёзд. Наши губы суше затерянных песков, а глаза глядят без цели, без надежды! Все мы смеёмся, поём, но никто больше не чувствует биение сердца <...> Сегодня вечером мы вдвоём у этой реки, переполненные вашим отчаянием... Мы даже не способны больше мыслить. А когда мы смеёмся, прохожие испуганно оборачиваются и спешат домой. Мы не вызываем даже презрения» [3, с. 45].

Сюрреализм на Западе стал одной из главных составляющих авангарда XX в., его апологеты – поэты, живописцы и кинорежиссёры: Рене Магритт, Ив Танги, Сальвадор Дали, Джорджо де Кирико (работами последнего Алексеев особенно интересовался). Интерес к грёзам и сновидениям, свойственный сюрреализму, Алексеев сохранил в течение всей жизни.

Филипп Супо стал одним из «трёх мушкетёров» сюрреализма, двое других – Бретон и Арагон. Супо – сюрреалист в поэзии, в прозе и в образе жизни. Об этом свидетельствуют два его стихотворения, написанных в те годы: «Воскресенье / Ткёт самолёт телефонные провода, / Но ручей напевает как в давние времена, / Кучера потягивают оранжевый аперитив, / Но глаза машинистов белым-белы, / А дама гуляя в лесу обронила улыбку» [6, с. 89]. «Ещё о луне, / Вод просвет, / Цвет высот, / Вот твой портрет - огонь и лёд, / Привет-вет-ветренная дочь, / Отец твой Север, мама Ночь» [6, с. 90].

Поведение Супо было непредсказуемо и скандально, он находился в любви-ненависти к соратникам, а свободолюбие принимало дерзкие формы. Он выпустил семь сборников стихов, а в 1937 г. издал полное собрание стихотворений, писал прозу, воспоминания, статьи об изобразительном искусстве, о кино, работал редактором в издательствах. Разошёлся с Бретоном, не принимая авторитарность и политизированность бывшего соратника. Он предпочитал личную независимость и свободу творческого поведения.

Дочь Александра Алексеева Светлана, ставшая художницей и владелицей галереи в США, в «Зарисовках», написанных в конце жизни по-английски, рассказывает о том, что Супо часто бывал у них дома и даже находил время для того, чтобы играть с маленькой дочкой

русского друга: «Я не понимала, что собирается делать этот человек... Вдруг край его черной шляпы медленно пополз вниз по направлению к носу... Достигнув носа, шляпа сама собой остановилась... Шляпа двигалась сама по себе! После небольшой паузы она продолжила путешествие вверх и доползла до верхней границы его лба... Ни до, ни после этого случая я не видела шляпы, которая могла бы двигаться сама по себе. - Браво, Филипп! - одобрительно произнёс отец» [2, с. 26].

Вспоминала она и перфоманс, устроенный Супо в 30-е года прошлого века и озадачивший даже выдающуюся парижскую полицию. Всё началось с того, что Алексеев, «надев нарядный пиджак и повязав на шею блестящий шарф абрикосового цвета» [2, с. 54], предложил дочери прогуляться в тёплый весенний день. В кафе «Куполь» он договорился встретиться с Филиппом Супо. Заказал себе коньяк «Александр» и стакан гранатового сиропа с содовой для одиннадцатилетней дочери. «Вдруг я заметила, что все, сидящие в кафе напротив, резко повернули головы налево. Некоторые даже стали привставать со своих мест. Через минуту откуда-то прибежала группа людей, перегородивших движение машин. Папа поднялся, пытаясь рассмотреть что-то поверх голов.

- Что там? – спрашивала я.
- Глазам своим не верю! – почесал затылок отец. – Четыре человека несут Филиппа в ванне!
- Немедленно доставить мерзавца в участок! – кричал полицейский. – Я сказал, в участок!
...Четыре гиганта пробивались к тому месту, где сидели мы. Теперь я уже хорошо видела ванну и плескавшегося в ней голого Филиппа. Выражение папиного лица резко изменилось.
- Прости, что опоздал! – кричал ему Филипп, но отец, казалось, не слышал своего друга» [2, с. 55–56]. Алексеев расплатился, быстро встал и, схватив дочь за руку, начал пробираться сквозь толпу. «Издали... ещё раз донёсся голос Филиппа.
- Вы не имеете права забирать в полицию голого поэта! – кричал он» [2, с. 56]. Объяснения с полицейскими Алексееву, иностранному гражданину, могло грозить неприятностями.

Бескорыстная привязанность Супо к Алексееву, восхищение его творчеством, поддержка в трудные минуты в течение долгих лет оставались неизменными. Стараясь сблизиться с семьёй русского друга, французский поэт в письмах постоянно целует маленькую Светлану, друга семьи, горячего поклонника жены Алексеева Александры Гриневской французского режиссёра Этьена Райка называет «опорой старости», благодарит жену художника Александру, передавая «дружеские приветы» за нарисованную ею открытку: «Я каждый день благодарю Сашу за её прекрасный подарок, который доставил и доставляет мне огромное удовольствие. Думали ли вы о переплёте? Позвоните мне. Ваш друг Филипп» [4].

Вопрос о переплёте касался книги Супо об Аполлинере, посвящённой памяти покойного друга, трагически ушедшего из жизни тридцативосьмилетним, и готовящейся к публикации в 1926 г. в издательстве «Les Cahiers du Sud»: «Вы должны были получить образец обложки. Наш ответственный за изготовление обращает моё внимание и велит мне напомнить вам, что нужно 2 рисунка: один для контура, т.е. для клише строк, другой – для цвета. Напишите мне, как дела» [4].

Алексеев сделал к монографии Супо «Отблески пожара и тринадцать новых стихотворений Аполлинера» двойной портрет. Над головой Аполлинера тонкой линией он обозначит профиль Супо, обовьёт его рукой голову покойного поэта и вложит гусиное перо.

В 1928 г. пером русский художник нарисует профильный портрет Гийома Аполлинера к его сказке «Иглы» со вступлением Филиппа Супо.

Французский поэт старался наладить контакт Алексеева с парижскими издательствами, разрешал конфликтные ситуации, связанные с гонорарами. Вёл переговоры с гравёрами: «...г-н Сюбервиль, резчик, вам скоро напишет, так как он запаздывает», и добавляет: «Сюбервиль вас любит и очень почитает» [4].

Супо, по просьбе Алексеева, старается помочь и русскому другу художника Бродовичу. В письме в Кламар от 11 мая 1928 г. Филипп предлагает: «...Что касается Бродовича, то я готов встретиться с ним как можно быстрее в связи с его новой книгой. Может быть, мы сможем подумать об издательстве «Кра» или о другом издательстве» [4].

В 1925 г. Алексеев с женой актрисой и художницей Александрой Гриневской (1899, Санкт-Петербург – 1976, Париж) и маленькой дочкой Светланой¹ устраивается в небольшом городке Кламар, расположенном к югу от столицы, на улице Лазар Карно в доме 40-бис. Причины переезда – материальные: в пригороде Парижа дешевле жильё и продукты. Они проживут здесь несколько лет, затем Алексеев переберётся в Париж в мастерскую со стеклянным потолком на авеню де ля Порт де Шатийон, 36, в 14-м округе.

В 1925 г. Питоев ставит «Святую Иоанну» Бернарда Шоу с женой Людмилой в главной роли. Гриневская исполняет в ней второстепенную роль придворной дамы в замке герцога. Алексеев работает как декоратор [8, р. 228–246]. На сохранившейся фотографии – он, обритый, у афиши, в модном в артистической среде нетривиальном костюме: расстёгнутый спортивный пиджак с нагрудными карманами, галифе и галстук – позирует с довольным видом.

В Кламар приезжают русские друзья Алексеева: Бродович и художник – Андрей Ланской, русский граф по происхождению. Много в судьбах всех троих общего: в Петербурге – неоконченная военная школа. У Алексеева – кадетский корпус [1], у Бродовича – Тенишевское реальное училище, потом офицерская школа и участие в Белой армии. Эмиграция – в двадцать с небольшим лет, в начале 1920-х гг каждого приводит в Париж случай.

У всех троих – врождённый дар художника и раннее стремление им стать. Полная самореализация и мировое признание. Ланской выставлялся с художниками из Парижской школы, потом отошёл от этого круга и занялся поисками своего языка. Его назовут творцом «цвета-света». Алексеев прислушивался к его рассуждениям о передаче в живописи сущего по ту сторону видимого мира, о необходимости найти свой ритм, о том, что решающее слово в картине принадлежит свету, а не цвету, а цвет лишь подспорье, и что нужно задавать вопросы самому себе. Алексеев напишет портрет его матери.

Вспоминая друзей отца, в разное время покинувших Российскую империю, Светлана Алексеева-Рокуэлл рассуждает: «Большинство родительских друзей были людьми, добровольно или по принуждению покинувшими родину. Их всех объединяла не только потеря родины, но и любовь к искусству, к делу, которым они занимались. Лишившись в большинстве своём семей, они образовали тесный круг, в котором друзья стали заменой потерянной семьи. Я чувствовала, что, несмотря на принадлежность художников к привилегированной группе людей, которые живут в волшебном мире, создаваемом своими

---

¹ Прим. Авт.: В будущем – американской художницей и галерейщицей Светланой Алексеевой-Роквелл (1923, Париж – 2015, Вестпор, Массачусетс, США).

руками, все они тяжело переживают потерю семьи и родины, и для меня самой ощущение неприкаянности было чем-то, что я пронесла через всё своё детство» [2, с. 20–21].

17 августа 1925 г. Супо обращается к Алексееву с письмом, проникнутым тёплым отношением к его жене и ближнему кругу: «Дорогой Алёша, вернувшись в Париж, я нашёл ваше письмо. Я рад получить от вас вести и узнать, что у вас всё хорошо. Отдыхайте. Отправьте обложку Альманаха в Париж, где я нахожусь в настоящее время. Я буду рад увидеть негра. Я много путешествовал и немного устал и дезориентирован. Но Париж прекрасен. Пишите мне, я вас очень люблю. Передайте привет Саше и скажите ей, что я её поздравляю с тем, что она работает. До свидания, Алёша. Летний Париж являет вас в моей памяти и в моём сердце. Помните о начале нашей дружбы? Обнимаю вас. Ваш Филипп. P.S. Привет Этьену» [4].

Через неделю, 24 августа, поэт вспоминает время и обстоятельства знакомства с художником: «...Я вернулся к моей парижской жизни, но, что меня удивило, с усилием. Пришлось призвать на помощь всю мою энергию, чтобы сработал выключатель. Я одинок, как и в то время, когда мы познакомились, дорогой Алёша. Но теперь у меня нет друзей, как было два года тому назад. Надеюсь увидеть вас в начале сентября, то есть дней через десять. Храните негра до этого срока. Поблагодарите Сашу за её открытку, которая доставила мне большое удовольствие. Ваш друг Филипп» [4].

В эти годы друзья постоянно встречаются. Так, в 1927 г. в письме, отправленном во вторник, Супо пишет художнику – «до четверга», в понедельник – «до пятницы» или «до скорой встречи». Письма неизменно подписываются: «Ваш друг Филипп», «Ваш неизменный друг», «Не забывайте, что я ваш друг», «...знайте, что я ваш друг», «Ваш друг, который сожалеет о том, что так давно вас не видел». «Я был очень счастлив провести с вами несколько минут. Ваш преданный друг». «Ваш сердечно», «Весь ваш». Или: «С большой симпатией», «...мои искренние, преданные дружеские чувства», «крепко жму вашу руку, «дружески жму руку», «С чувством жму ваши руки» [4].

Филипп Супо часто писал Алексееву на бланке издательства «Кра», расположенном в престижном 16-м округе Парижа, на площади Шопена, где в это время работал. В Кламаре, в тишине и изоляции от бурной столичной жизни и рождались алексеевские книжные работы, поражающие творческим прочтением и художественными находками. В эти годы поэт даже собирался написать монографию о творчестве русского художника, в швейцарском архиве сохранились наброски его статей об Алексееве разных лет.

Дружеский тандем поэта и художника разрушила вторая мировая война. Алексеев, опасаясь за любимую женщину, американскую ученицу Клер Паркер, имевшую еврейские корни и вскоре ставшую его второй женой, в 1940 г., после вступления фашистских войск на территорию Франции, уезжает с семьёй в США. В Нью-Йорке друзья продолжают общаться.

Когда Алексеев узнает, что супруги Супо прибыли в Нью-Йорк из Северной Африки, где Филиппа по приказу правительства Петена держали в тюрьме, он приглашает друга пожить у него в Маунт-Вернон, пока тот не подыщет себе работу.

Впоследствии дочь Алексеева Светлана навещала Супо в Филадельфии, после его переезда с третьей женой Ренатой в Пенсильванию, где поэт читал лекции в Суотмор-Колледже по истории французской литературы [2, с. 122].

Супо счёл необходимым познакомить молодую дочь русского друга с поэзией Гийома Апполинера, смерть которого он тяжело переживал и старался всячески пропагандировать его творческое наследие. Супо рассказывал начинающей русской художнице, дочери друга

Светлане о художнике Паоло Уччелло, он поддерживал её занятия живописью и восхищался её талантом, сравнивая нарисованных ею парящих в воздухе лошадей с рисунками М. Шагала [2, с. 12; 2, с. 126].

В письмах Супо Алексееву часто встречаются имена русских писателей. Есть все основания утверждать: именно по инициативе Супо Алексеев стал работать над иллюстративными сюитами к трём великим русским книгам, поклонником которых оказался французский поэт – это «Слово о полку Игореве» [10], романы Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [5] и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» [1].

«Слово о полку Игореве» Супо переводит в стихах на французский язык, и это будет шестой в истории французской литературы перевод великого памятника и второй поэтический [10]. Он напишет к древнерусскому эпосу пламенное предисловие, утверждая: «Слово...» относится к великим произведениям всех времён и народов: «...заканчивая последней изданной и, быть может, самой прекрасной, самой знаменательной книгой, этой восхитительной «Песнью о князе Игоре», которая, по моему мнению, является шедевром ... Я рассчитываю в связи с Игорем написать важные вещи о поэзии. Эта очень красивая поэма – великолепный предлог для того, чтобы уточнить некоторые необходимые для поэзии вещи. Она придаёт ценность тому, о чем мы слишком часто забываем: что человек живёт не для того, чтобы управлять собой, но что он испытывает властную потребность выразить некоторые импульсы своей души...» [4].

Не менее восторженно французский сюрреалист отзывался и о других великих произведениях русской литературы, например, об «Анне Карениной», над иллюстрациями к которой также работал Александр Алексеев: «Я прочитал «Анну» («Анну Каренину» - Л.З., О.З.) в переводе, который вы мне порекомендовали .... Я разделяю ваше восхищение.... Но простота, наивность Толстого невероятно мощные. Я рад, что вы сосредоточились на этой книге и открываете все её ароматы. Книга почти никогда не бывает такой, какой хотел её написать автор, но несомненно то, что если читать её с большим вниманием, то в конце концов можно открыть намерения писателя. А потом есть ещё то, что романист или поэт неосознанно вкладывает в написанные страницы и которые, быть может, тоже надо находить невольно» [4].

Неопубликованные целиком письма Ф. Супо, сохранившиеся в них отзывы с высочайшей оценкой шедевров русской литературы «Слова о полку Игореве», романов «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака и творчества русского художника А.А. Алексеева убеждают: классик французской литературы XX века рассматривал великие творения русской литературы и графические и анимационные работы русского друга как ценнейшие достижения мировой культуры, без знакомства с которыми европейская культура не способна развиваться на достойном уровне.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что всё это лишний раз подтверждает то, что попытки «отменить русскую культуру», предпринимающиеся в настоящее время в т.наз. «цивилизованных» странах западного мира, в конечном итоге закончатся ничем, поскольку произведения русской культуры, традиционно рассматривают базовые ценности человеческого бытия и судьбы мира в целом, без осмысления и переосмысления которых духовная эволюция человека, как творения Божьего, может потерять нравственные ориентиры и вступить на тупиковый путь развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.А. Забвение, или Сожаление. Воспоминания петербургского кадета / Пер. с фр. В. Кислова, В.Н. Румянцевой // Киноведческие записки, 2001. — № 52. — С. 271–294.
2. Алексеева-Роквелл С.А. Зарисовки. Истории моей юности / Пер. с англ. М. Бадхен. — Ярославль, Рыбинск: ОАО «Рыбинский Дом печати», 2013. — 360 с.
3. Бретон А., Супо Ф. Магнитные Поля / Пер. с фр. Е. Гальцовой, В. Кондратьева. — М.: Опустошитель, 2012. — 114 с.
4. Супо Ф. Автографы писем Ф. Супо А. А. Алексееву. Перевод с французского доктора филологических наук Е.П. Гречаных. Fondation «Art Ex East». Ед. хран. AL-Ms-200.
5. Толстой Л. Н. Анна Каренина роман в 8 ч. в 2 т. — СПб.: Вита Нова, 2005. — 608 с.
6. Энциклопедический словарь сюрреализма / Ред. кол.: Т.В. Балашова, Е.Д. Гальцова (отв. редакторы), А.Б. Базилевский, А.Ф. Кофман, Л.И. Тананаева. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — 584 с.
7. Яснов М. «Я поэт в бунте против правил» // Иностранная литература. — 2002, № 5. — С. 123–132.
8. Bendazzi G. Alexeïeff - Itinéraire d'un maître – Itinerary of a Master. — Paris, 2001. — 318 p.
9. Boiffard J.-A., Eluard P., Vitrac R. Préface // La Revolution Surrealiste, 1924, № 1. — pp. 1–2.
10. Le Chant du prince Igor: Manuscrit original du XIV-e decouvert au XVIII-e / Traduction Philippe Soupault. Rolle (Suisse): Paul Eynard, 1950. — 74 p.
11. Pasternak B. Le Docteur Jivago / Illustrations d' Aiexeiëff — Paris: Gallimard, 1959. — 872 p.

Zvonareva Lola Utkirovna

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia
E-mail: lzvonareva@mail.ru

Zvonarev Oleg Viktorovich

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia
E-mail: donfeliz@yandex.ru

Russian-French Dialogue on the Fate of Culture in the 20th Century: Poet F. Soupault and Artist A. Alekseev

Abstract. The article analyzes the view on the role and fate of the culture of the twentieth century of one of the founders of French surrealism, the poet F. Soupault, and the influence that the Russian émigré artist of the first wave A.A. Alekseev had on him. The beginning of their creative collaboration was the joint work on the publication of E. Poe's "Conversations between Monos and Una" (with a foreword by F. Soupault) and "The Fall of the House of Usher", published in Paris in 1929 with illustrations by A. Alekseev. The authors assert that later F. Soupault, working with Alekseev on the editions of such masterpieces of Russian literature as "The Tale of Igor's Campaign", "Anna Karenina", "Doctor Zhivago", considered the great works of Russian literature, as well as the graphic and animation works of his Russian friend, as the most valuable achievements of world culture, without which European culture is not able to develop at a decent level.

Keywords: Alexander Alekseev; Philippe Soupault; surrealism; illustrative suites; Russian Classics